

Т. П. ХЛЫНИНА,

*ведущий научный сотрудник Адыгейского республиканского института,
доктор исторических наук (Майкоп)*

НАУЧНОСТЬ КАК ПРИНЦИП ИССЛЕДОВАНИЯ И КРИТЕРИЙ ДОСТОВЕРНОСТИ В ПОЗНАНИИ ПРОШЛОГО

Представление об истории как науке, покоящейся на прочном фундаменте реальных фактов, породило и не менее устойчивое восприятие прошлого в качестве знания, подкрепленного исследовательской практикой. При этом ни сама процедура извлечения подобного рода фактов из разнообразного круга свидетельств о прошлом, ни его по большей своей части рукотворное происхождение не сказываются на привычном образе исторического познания. Наука о прошлом все еще измеряет свои достижения в категориях европейского рационализма, оставляя за ним право окончательного суждения и оценки. От истории все так же, как и столетие тому назад, ждут осязаемых результатов, направленных на стабилизацию прошлого, способствующего прояснению настоящего и предвосхищающего будущее. Между тем, по свидетельству выдающегося отечественного медиевиста А. Я. Гуревича, «сегодняшняя наука, и в особенности историческая наука, не дает готовых результатов — и этого от нее более и не следует ожидать; она, скорее, ставит под вопрос наши представления о прошлом и тем самым предостерегает нас от завышенной оценки нынешней эпохи. Именно в этом заключается задача, которую историческая наука выполняет в “жизни”; и она должна выполнять ее, а не замыкаться в своей “башне из слоновой кости”».

Эволюция научного постижения прошлого вобрала в себя, с одной стороны, признание возможности его объективного познания и стремление найти общее объяснение историческому процессу, а с другой — отказ от целостного видения мира, скрепленного лишь силой воображения исследователя и обретающего свое существование только в тексте. Происшедшие изменения потребовали большей ясности в определении не только гра-

ниц профессионального домена истории, но и критериев достоверности, вырабатываемых в его пределах образов прошлого. «Критический поворот» конца 1980-х годов оказался одной из немногих попыток самой истории определить свою идентичность, опираясь исключительно на собственные силы. По заключению современного французского историка, продолжателя традиций «Анналов» М. Эмара, «то был некий переход к истории, которую привлекало реальное, к истории, которая стремилась изучать точно определенные объекты и пыталась для этого приблизиться к постижению реальности, определив круг своих источников, поле исследования и свои методы. Преведняя наука постепенно уступала место иной истории. Истории, критичной по отношению к самой себе, и истории, задающей как вопросом о конструировании своего предмета, так и вопросом о своих концепциях, о своих методах, которые она применяет и которые ей необходимо осмыслить в исторических категориях, а не соотносить их с другими дисциплинами».

Начавшееся обновление процедуры исторического исследования, значительное расширение корпуса используемых источников, в том числе и недокументированного характера, понимание относительности знания о прошлом и его во многом субъективной обусловленности, как это ни парадоксально, никоим образом не сказываются на принципиальной основе изучения прошлого. А между тем принятие историком тех или иных исследовательских принципов не только обеспечивает научность его работы, но и обуславливает возможность достижения поставленных им задач. Будучи своеобразным познавательным ориентиром и следствием осознанного выбора историка, принцип в то же время является «выражением

существенно общих сторон и определений реального мира». Однако в условиях предельной размытости самого понятия «реальности прошлого», а также отсутствия ясности в выборе ценностных приоритетов общей направленности исторического исследования принцип обретает характер гипотезы, следование которой при определенных условиях способно обеспечить решение ряда конкретных проблем.

Научность как основополагающий принцип исторического исследования в ситуации резкого падения авторитета рационального знания, профессиональной и общеобразовательной культуры исследователя, появления «шлягерной» разновидности исторического жанра нуждается в выработке дополнительных обоснований и процедуры верификации полученных результатов. Помимо традиционно признаваемых атрибутов, сводимых к недопустимости авторского вымысла, опоре на твердо установленные факты, соответствующие данным источника, а также законам

формальной логики, она требует и профессиональной конвенциональности — исследовательской солидарности в определении границ и возможностей познания прошлого, за пределами которых начинается самостоятельная жизнь фантазии и вымысла. При этом достоверными могли бы признаваться не только общепринятые представления о прошлом, но и его наиболее плодотворные факкультативные версии, получившие статус локальных концептов и обеспечивавшие дальнейшее развитие исторической науки.

Если принять во внимание замечание А. Я. Гуревича о том, что «наука истории по самой своей природе есть не что иное, как спор без конца», то тогда и сам факт наличия исследовательского заблуждения или ошибки окажется неотъемлемой частью принципа научности. Тем самым достоверность познания прошлого обретет статус процесса, а существование новой исторической науки «постмодернистского толка» — недостающую ей пока легитимность.